

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.132

КУЛЬТУРА В ИСТОРИОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализировано понятие культуры в историософской рефлексии Н.А. Бердяева. Культура в его сочинениях рассмотрена как сохранение традиций, память о прошлом, творение новых ценностей. Истоки культуры сакральны, происхождение благородно, а достижения по природе своей символичны, индивидуальны и неповторимы. Бердяев выделяет периоды развития культуры – органический (творческое осуществление ценностей) и критический (цивилизационное огрубление). Отмечено, что в органической культуре Бердяев видит два вектора развития – консервативный и творческий. Сделан вывод, что культура наиболее сильна и устойчива, когда обладает такой векторной разнонаправленностью. Диалог культур в историософии Бердяева представлен множеством форм, главной из которых является встреча Востока и Запада, если точнее, православной России и католической Европы. В терминологии Бердяева диалог культур выглядит как «взаимное восполнение двух опытов и двух путей».

Ключевые слова: культура, диалог культур, философия истории, Н.А. Бердяев.

Погружение в проблемный разговор принято начинать с истории формирования вопроса и выяснять, как мыслители прошлого оценивали значение и формы межкультурного взаимодействия. Заслуживающие внимания ответы можно найти в историософской мысли Николая Александровича Бердяева (1874-1948). Как обычно бывает с масштабными фигурами, трудно дать целостный обзор философских взглядов Николая Александровича Бердяева. Поэтому исследователи фокусируют внимание на том, что близко им самим. В связи с этим возникает эффект, когда более напряженная мысль не возникает в замыкающихся в своей специфике сферах знания, а проходит по их границам. Не является исключением и понимание феномена культуры.

Культура есть «осуществление новых ценностей»

Культура, в сочинениях Бердяева, – это традиции, память о прошлом, творение новых ценностей. Все эти суждения рассеяны по его сочинениям, но в концентрированном виде встречаются в работе «Философия неравенства» (1923). Рефреном звучат слова Бердяева: «Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей» [1, с. 498]. В замыслах Бердяева, культура родилась из культа.

© Михайлова Е.Е., 2025

Истоки ее сакральны, происхождение благородно, достижения, по природе своей, символичны, индивидуальны и неповторимы. «Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной» [3, с. 270–271]. Такими образными словами выражает Бердяев свою мысль. В своем зарождении и развитии культура прошла период «органический» (эпоха Античности, Средневековья и Ренессанса) и «критический» (Новое время). Первому периоду свойственно творческое созидание и раскрытие новых жизненных сил, второму – цивилизационное огрубление, утрата совершенных форм, выработанных ранее. Бердяев пишет: «Культура духовно истощает себя, рассеивает свою энергию. Из стадии “органической” она переходит в стадию “критическую”» [1, с. 501].

В органической культуре Бердяев видит два вектора развития – консервативный и творческий. На первый взгляд они кажутся прямо противоположными. Однако, когда читаем объяснения Бердяева, кажущаяся противоположность исчезает. В работе «О культуре» он замечает: «В культуре действуют два начала: консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности» [3, с. 272]. Схожее суждение звучит и в работе Бердяева «Смысл истории» [7, с. 339]. Видимое разночтение не смущает мыслителя, наоборот, этим он объясняет силу и устойчивость культуры.

Для Бердяева органическая культура есть живой процесс, и как всему живому, ей свойственны циклы: рождение (варварство) – развитие (расцвет) – и упадничество (новое варварство). Исследователи подчеркивают, что идею органической культуры Бердяев почерпнул из интеллектуальной мысли Вл. Соловьева [8–10]. Механизм жизненного саморазворачивания культуры рисуется в сочинениях Бердяева на примере греко-римской цивилизации. Только в ее эллинский период начинают вызревать условия для нового, открытого мира. Самодовольный и ограниченный доселе античный мир в эллинскую культуру испытывает почти мистическую тоску по иным мирам. Читаем у Бердяева: «Тогда в искусстве обнаружился прорыв за пределы классического совершенства этого земного мира, придавленного замкнутым куполом небес. И навстречу этой глубокой тоске, которой заболела культура, пришло христианское откровение из самой глубины жизни, из таинственных ее недр» [3, с. 277]. В соответствии с законами цикличности христианство изначально воспринималось как прилив варварства, как тьма. И только спустя несколько веков [Бердяев особо отмечает эпоху Карла Великого. – *авт.*] кристаллизировались символические по своей природе достижения богословия. В социальном плане христианство – это воинствующий иерархический строй церкви, соподчиненность монархии и папства, школы, университеты; в культурном значении – это религиозно-мистический опыт постижения человека в истории.

Как уже говорилось, в динамике культуры Бердяев фиксирует внешние и внутренние приливы варварства. Эти приливы имеют разную коннотацию: положительную, когда новые культурные формы обновляют

учреждения старого мира, и отрицательную, когда культура теряет свой божественный смысл, захлебывается в неожиданно новых жизненных соках, не может их усвоить. Очевидным примером внешних приливов для Бердяева служит встреча германских племен с традициями античной цивилизации. Внутреннее приливы – под этим словосочетанием Бердяев понимает «перегорание» культуры, когда слишком быстрое ее усложнение и утончение нарушает органическую целостность: появляется усталость и недовольство миром, возникает тоска по иным мирам. В 1923 г. Бердяев дает такую оценку: «Ныне и само христианство стареет, в нем нет уже творческой молодости. Нового же религиозного света еще не видно» [3, с. 277].

Диалог культур есть «взаимное восполнение двух опытов, двух путей»

Рассмотрим, исходя из понимания культур, какие формы их диалогических отношений интересуют Бердяева? Со страниц его сочинений считывается довольно разнообразное схождение противоположностей: встреча языческой и христианской культуры; классической и романтической; аристократической и пролетарской; культура творцов и ее потребителей и другие формы группирования. Сам Бердяев в своей интеллектуальной повседневности не раз демонстрировал попытки примирить антагонизмы. «Примирить» для него означало услышать другого, понять разногласия, найти общие суждения. В практическом смысле это выглядело зачастую неутешительно. Однажды Бердяев принимал участие в «народных религиозных беседах», проходивших в конце 1909 г. в Москве, в трактире под названием «Яма». Однако, по его собственному признанию, дискурсивный обмен с представителями разнообразных сект ни к чему не привел. Каждый культист не хотел слышать другого и «защищал какую-то часть истины, взятую не в полноте, а исключительности» [5, с. 172]. Схожим выглядит и другой пример. Вместе с С.Н. Булгаковым Бердяев редактировал журнал «Вопросы жизни». По замыслу, выпуск политического издания должен был стать «местом встречи всех новых течений» [6, с. 388]. Однако в итоге Бердяев признался: «Жили в разных этажах культуры, почти что в разных веках... Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным» [5, с. 212].

На этом фоне интеллектуально вдумчивым в сочинениях Бердяева видится диалог Востока и Запада, если точнее, православной России и католического Запада. Прямой работы на эту тему нет, но схожая нить суждений проходит рефреном во многих его сочинениях. Бердяев не пользуется термином «диалог культур». Однако в его текстах встречаем емкий термин – «восполнение культур». Он звучит в работе «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева» (1904). Бердяев прямо пишет: «Сама постановка проблемы Востока и Запада предполагает взаимное восполнение двух опытов и двух путей» [4, с. 234]. Вызревание идеи воссоединения двух миров в христианское «всечеловечество» наблюдается в творчестве Вл. Соловьева. Бердяев, разумеется, это признает, но идет

дальше. Он пишет: «Но тем и велик Соловьев, в том и значение его, что проблема Востока и Запада – не только его основная проблема, это – основная проблема России, проблема не только русской философии истории, но и русской истории» [4, с. 218].

Восполнение культур может осуществляться разными способами: негативным, поверхностным – на уровне регулятивных соглашений церковных властей; и продуктивным, внутренним – в глубинах церковной мистики. Вл. Соловьев, по мнению Бердяева, выдвинул прекрасную идею, но остановился на первом способе «восполнения культур» [11]. В заслугу Соловьеву Бердяев ставит выработку двух важных позиций. Первая: Соловьев говорит не о «присоединении» христианских Церквей, а об их «соединении» [4, с. 220]. Вторая: под соединением понимается «взаимовосполнение» сложившихся веками двух односторонних форм христианской культуры – «созерцательно-молитвенной религиозности» Востока и «активно-трудовой» организации Запада [4, с. 221]. Одновременно с этим Бердяев критикует Соловьева за бессмысленную трату сил на публичное участие в спорах формального православия и католичества.

В качестве антитезы Бердяев выдвигает мысль о том, что главная задача восполнения двух культур кроется не в согласовании догматики, а во взаимном познании изначальной мистики богообщения. Трудность связана с пониманием природы мистики, а, следовательно, и с разным отношением к Христу. В католической культуре Бог рассматривается как объект, к которому человек стремится внешне. В православной культуре Бог является субъектом, которого человек принимает в своё внутреннее «я». Бердяев задается вопросом: как же можно объединить эти два столь разных культурных подхода – «готическое устремление» к Богу и православное «смирненное поклонение» перед ним? [4, с. 228–229]. И предлагает для начала освободиться от стереотипов восприятия друг друга. Среди стереотипов он перечисляет наиболее часто артикулируемые: католический Запад – это воинствующий иерархический строй церкви, папство, ересь; православный Восток – это подчинение церкви государству, негибкая реакция на изменения вокруг. Преодоление стереотипов видится Бердяеву возможным через взаимное познание природы мистики.

Таинственные корни религиозной жизни католического Запада Бердяев предлагает черпать из сочинений св. Франциска Ассизского и св. Терезы. Согласно их рассуждениям, через томление, устремленность и любовь к Христу может быть достигнуто сладострастное состояние «вытягивания вверх». Такие чувства порождают творчество, ментально помогая создавать красоту католической культуры. Как религиозный философ Бердяев пишет: «Влюбленные рыцари шли в крестовый поход и творили красоту» [4, с. 230]. Оценивая красоту метафоры, нельзя не заметить, что для усиления пафоса своего высказывания, Бердяев сознательно не перечисляет антигуманские факторы, обусловившие деяния крестоносцев.

Мистика православного Востока, на взгляд Бердяева, хорошо просматривается в сочинениях св. Исаака Сирина, св. Макария Великого, св. Максима Исповедника, св. Серафима Саровского. Рассуждения этих авторов показывают иную природу мистики – не восхождение к Христу, а принятие внутрь себя. Вот какими словами Бердяев старается подчеркнуть мысль о том, что Восток силен отношением человека к Богу: «На христианском Востоке активность направлена внутрь, на просветление человеческой природы, а не вовне, не на творчество культуры, не на выявление в истории» [4, с. 231].

Поделиться на равных друг с другом правдой, хранящейся в тайных глубинах религиозного опыта; не принимать другую культуру вместо своей; познавать ее, как нечто способное стать знакомым; преодолеть вражду – таковы своеобразные мыслительные рецепты Бердяева, делающие возможным диалог культур. Из совокупности вытекает последний вопрос, связанный с пониманием того, на какой стадии развития двух христианских культур окажется возможной их продуктивная встреча. Прямого ответа в сочинениях Бердяева не найти, но герменевтическая процедура позволяет вывести некие границы его разрешения. Ментально проживающий в трех послевоенных культурах – в революционной России; в побежденной Германии; и в победившей / побежденной / и вновь победившей Франции, – Бердяев интуитивно чувствует наступление момента плодотворного «взаимного восполнения двух опытов, двух путей».

Католическая Европа, по наблюдениям Бердяева, переживает состояние «осени культуры». Такую фигуру речи автор использует неоднозначно. С одной стороны, осень есть состояние переживания близости упадка, когда «творческий порыв, имманентно направленный ввысь, пресекается под тяжестью нового мира и перенаправляется вниз» [3, с. 276, 282]. С другой стороны, осень – это утонченная пора вызревания, когда силы и полнота власти над миром еще есть, но новизна будущего уже отсутствует и неотвратим переход в некое состояние, которое «не может уже быть наименовано “культурой”» [7, с. 501]. По приезду в Париж в 1924 г. Бердяев не скрывает своих терзаний о духовной утрате западной культуры: «Но у меня было непреодолимое и горькое чувство, что это умирающий мир великой, но отошедшей культуры» [6, с. 504].

Православная Россия к этому времени переполняется огромной «мессианской чувствительностью», что, собственно, и помогает ей ощущать себя способной нести миру братство людей и свободу духа [5, с. 171, 188]. В замыслах Бердяева, векторная разнонаправленность устремлений обеих христианских культур может помочь одной (европейской) как можно дольше балансировать в пределах своей зрелости, а другой (российской) – наполнить новым смыслом прежние достижения христианства.

Благодаря изложенному, можно зафиксировать мысль о том, что тема культуры и диалогических отношений Востока и Запада своеобразно растекается по текстам Бердяева: от самых ранних его произведений, написанных

еще в России («Смысл истории», «Философия неравенства» и др.), до словесности эмигрантской поры («Русская идея», «Самопознание» и др.). В замыслах Бердяева, исторические традиции повторяются на новом витке событий. Как когда-то христианство положило доброе начало встрече античной и языческой традиций, так восполнение опыта двух христианских культур может оказаться мостиком для новой встречи Востока и Запада, обусловленной новыми обстоятельствами. Косвенным подтверждением этих слов является мысль самого философа, высказанная в адрес представителей евразийского течения в статье с аналогичным названием «Евразийство» (1925): «Но они верно чувствуют, что Европа перестает быть монополистом культуры, что культура не будет уже исключительно европейской, что народы Азии вновь войдут в поток мировой истории. Эта мысль между прочим с особенной настойчивостью высказывалась пишущим эти строки» [2, с. 101].

В завершении разговора о культуре в философской рецепции Н.А. Бердяева и о том, как и в каких формах возможен диалог культур, нельзя не отметить динамику взглядов самого философа. Русский мыслитель высвечивает проблему границ эпохи как культурного единства и одновременно рисует витиеватую типологию культур. Как субъект, проживающий в моменте своей эпохи, Бердяев оказывается не лишены противоречивых суждений: «культура движется к смерти» – «культура вечна»; «мучительно не люблю историю» – «ищу смысл истории»; «я человек западной культуры» – «я всегда был универсалистом». Этот дихотомический ряд можно продолжить. Думается, смысловую полноту суждений Бердяева можно раскрыть только на дистанции «большого времени» [термин ввела у Бахтина. – *авт.*], которое, возможно, еще только предстоит постичь.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 495–511.
2. Бердяев Н.А. Евразийство // Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1 (I-VI). № 1. Сентябрь 1925 г. М.: ИНФОРМ-ПРОГРЕСС, 1992. С. 101–105.
3. Бердяев Н.А. О культуре // Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 269–285.
4. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева // [Электронный ресурс]. Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/probl_vost_i_zap/ С. 214-241.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 541 с.
6. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1997. 624 с.

7. Бердяев Н.А. Смысл истории // *Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии)*. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 304–495.
8. Богатырев Д.К., Богатырёва Л.В., Преображенская К.В. Философия культуры от Гегеля до Бердяева // *Русская философия*. 2021. № 2. С. 40–58.
9. Гуревич П.С. Н.А. Бердяев в контексте европейской философии // *Вестник славянских культур*. 2015. № 3 (37). С. 13–31.
10. Ковалева Е.О. Н.А. Бердяев о традиции культурного взаимовлияния России и Западной Европы // *Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: Восьмой ежегодный сб. науч. тр. преп., асп., магистр, студ. ФУСК ТвГТУ: в 2 ч. / под общ. ред. И.И. Павлова*. Тверь: Изд-во ТГТУ, 2020. С. 31–36.
11. Соловьев В.С. *Догматическое развитие церкви (в связи с вопросом о соединении Церквей)*. СПб.: Изд-во Алетейя, 1994. 84 с.

CULTURE IN N.A. BERDYAEV'S HISTORIOSOPHY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The concept of culture in N.A. Berdyaev's historical reflection is analyzed. Culture in his works is viewed as the preservation of traditions, memory of the past, and the creation of new values. The origins of culture are sacred, its origins are noble, and its achievements are symbolic, individual, and unique in nature. Berdyaev distinguishes between periods of cultural development: organic (creative realization of values) and critical (civilizational coarsening). It is noted that Berdyaev sees two vectors of development in organic culture: conservative and creative. The conclusion is made that culture is strongest and most stable when it possesses such vector diversity. The dialogue of cultures in Berdyaev's philosophy of history is presented in many forms, the main one being the encounter between East and West, or more precisely, between Orthodox Russia and Catholic Europe. In Berdyaev's terminology, the dialogue of cultures looks like «the mutual complementarity of two experiences and two paths».

Keywords: *culture, dialogue of cultures, philosophy of history, N.A. Berdyaev.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – д-р филос. н., профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru, SPIN-код: 9444–1370

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.01.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2025.